

КАМИЛА ЛЕВИТАН

ИЗМЕНА МУЖА.
Наш умный дом
назвал имя твоей любовницы!

Камила Левитан

**Измена мужа. Наш умный дом
назвал имя твоей любовницы!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Наш умный дом назвал имя твоей любовницы! /
К. Левитан — «Автор», 2026

В три часа ночи наш умный дом произнёс: «Добро пожаловать домой, Лера». Лера — не я. Это любовница моего мужа. Виктор уверял, что произошёл технический сбой. Но вскоре из камер исчезли записи, двери начали запираются сами, а мои фотографии пропали даже из резервных копий. Муж называл меня сумасшедшей. Друзья ему верили. Родные советовали лечиться. А потом я узнала страшную правду. Виктор специально доводил меня до нервных срывов, снимал мои страдания и продавал эту историю инвесторам своего IT-стартапа. Он контролировал каждую камеру в нашем доме. Но одну запись удалить не смог. И теперь я разрушу его идеальную систему.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Камила Левитан

Измена мужа. Наш умный дом назвал имя твоей любовницы!

Глава 1

3:17 ночи. Тишина в нашей квартире с системой «Умный дом» давила плотной, почти осязаемой субстанцией. Я лежала на боку, глядя в темноту спальни, где ночник выключился ровно в полночь по расписанию сна Виктора. Я пыталась уснуть, но в голове всё ещё вертелась схема рабочего проекта: утром предстояло объяснять заказчику, почему нельзя экономить на резервировании.

И тут голос из стены разорвал эту тишину, как стекло.

— Добро пожаловать домой, Лера.

Меня парализовало. Не страхом — физическим оцепенением. Сердце пропустило удар, потом заколотилось так сильно, что я услышала его гул в ушах. Это был не мой голос. И это было не моё имя. В квартире, кроме нас двоих, никого быть не могло. Виктор спал рядом, дыша ровно, с открытым ртом, как обычно после третьей банки пива или тяжелого ужина.

«Мне показалось?» — первая мысль была рациональной, почти научной. Глюки прошивки? Помехи от Wi-Fi роутера соседей? Но тело знало правду раньше разума. Мурашки побежали по рукам, кожа на предплечьях стала сухой и холодной.

Я медленно, стараясь не шуршать простыней, повернула голову к тумбочке. Телефон Виктора лежал там же, светя экраном блокировки. Цифровой мир. Уязвимый. Легко чистится. Легко подделывается. Мои пальцы нашарили старый аналоговый диктофон Sony, который я купила полгода назад для записи совещаний, но так и не вернула в офис. Он лежал за стопкой книг, пыльный и неудобный. Идеальный инструмент для того, чтобы зафиксировать то, чего не должно существовать.

Я нажала кнопку REC. Красная лампочка мигнула один раз. Теперь запись шла.

В этот момент датчики движения в спальне, вероятно, засекли мои микродвижения. Система решила, что кто-то вошел в комнату.

— Добро пожаловать домой, Лера, — повторил голос ассистента громче. Интонация была той самой, которую я слышала сотни раз: дружелюбной, услужливой, абсолютно чуждой мне. Светодиодная лента под потолком вспыхнула мягким персиковым цветом — режим «Вечерняя встреча». Стены словно ожили, создавая атмосферу вторжения. Кто-то чужой только что переступил порог нашего святилища.

Дыхание Виктора сбилось. Он зашевелился.

Я шепотом, четко артикулируя, дала команду:

— Стоп.

Свет погас мгновенно. Голос умолк. В тишине осталось только тиканье часов и мое собственное учащенное сердцебиение. Команду «Стоп» система выполнила без малейшей задержки. Значит, она слышала меня и работала. Я смотрела на красную лампочку диктофона: приветствие с чужим именем теперь было записано на ленту. Пусть утром Виктор попробует сказать, что мне приснилось. Кто-то запрограммировал мою квартиру приветствовать любовницу мужа так же тепло, как она приветствует хозяина дома.

— Что случилось? — хриплый сонный голос Виктора прорезал темноту. Он сел в кровати, потирая глаза. На нем была футболка с надписью «Code is Poetry», которую он считал символом своего гения.

— Ничего, — сказала я слишком резко. — Ассистент сошел с ума. Снова.

Я включила настольную лампу. Яркий свет ударил по глазам. Виктор морщился, жмурясь.

— Опять? Марина, мы же обсуждали это на прошлой неделе. Бета-версия прошивки сырая. Там баги с распознаванием имён из глобальной базы данных. Может, кто-то соседский вызывал такси или заказывал пиццу, и система перехватила эфир?

Он зевнул, потянулся, демонстрируя абсолютное спокойствие человека, которого разбудили в три часа ночи из-за ерунды. Его уверенность была стеной, об которую разбивались все мои сомнения последние месяцы.

— Послушай, — я протянула ему диктофон. — Ты сам говорил, что нужно тестировать аудио-входы. Вот, послушай.

Виктор взял устройство, брови его поползли вверх. Он остановил запись, перемотал ленту и нажал play. Мы оба замерли. Из динамика диктофона, искаженный дешевым микрофоном, раздался четкий механический голос: «Добро пожаловать домой, Лера».

Тишина длилась пять секунд. Потом Виктор фыркнул. Короткий, циничный смешок.

— Ну надо же. «Лера». Какое банальное имя для тестовой строки кода. Или это реальный человек? Ты знакома с какой-то Лерой?

— Нет, — ответила я, чувствуя, как внутри холодеет кровь. — Я никогда не слышала этого имени в контексте работы.

— Марин, ты перегружена. IT-архитекторы часто видят паттерны там, где их нет. Это шум. Шум в системе. Если бы это была реальная угроза, камера бы зафиксировала движение, а датчики двери сработали бы на открытие. Но они молчат. Значит, никто не входил. Это глюк. Баг. Моя вина, конечно, я должен был закрыть релиз лучше. Давай перезагружу хаб вручную, и всё будет чисто.

Он вернул мне диктофон, но, едва я взяла его, снова протянул руку.

— Дай сюда, я сейчас проверю логи через терминал.

Я инстинктивно отдернула руку.

— Логи можно стереть одной командой, Виктор. Ты знаешь это лучше меня.

Его лицо изменилось. Сонливость исчезла, сменившись раздражением.

— О чем ты говоришь? Ты подозреваешь меня в саботаже собственного продукта? Это паранойя, Марина. Чистая, клиническая паранойя. Ты работаешь над проектом конкурентов, нервничаешь, теперь приносишь стресс домой. Отдай устройство, я исправлю баг, и мы снова будем спать.

— Нет, — я держала диктофон крепко, прижимая к груди, как щит. — Проверим утром. Все вместе. При свидетелях.

Виктор усмехнулся, но улыбка не дошла до глаз.

— Как хочешь. Но завтра я буду занят демо для инвесторов. Если ты продолжишь устраивать эти цирки с «призраками в машине», я начну сомневаться в твоей адекватности как специалиста.

Он отвернулся, натянул одеяло до подбородка. Спина его была широкой и равнодушной. Я лежала, слушая, как он засыпает, и понимала: я не получила поддержки. Я получила обвинение. В его мире я была не партнером, а помехой. Сбоем в его идеальной системе.

Утро началось с запаха свежемолотого кофе и тихого жужжания кофемашины, управляемой со смартфона. Виктор уже сидел за столом на кухне, просматривая новости стартапов на планшете. Солнце било в окна гостиной, освещая минималистичные интерьеры, которые я выбирала сама. Белые стены, серые диваны, стеклянные столешницы. Всё выглядело стерильным. Безопасным. Лживым.

— Доброе утро, — сказал он, не отрывая взгляда от экрана. — Кофе будешь?

Я молча прошла мимо него к острову кухни. Руки дрожали, поэтому я схватилась за край столешницы, пока не взяла себя в руки.

— Я проверю облачное хранилище камер, — произнесла я ровным голосом.

Виктор поднял глаза. В них читалось легкое удивление, граничащее с жалостью.

— Зачем? Ты же знаешь, что ночью ничего не происходило. Датчики открытия дверей были закрыты. Камеры активировались только на движение внутри. Если бы кто-то вошел, был бы алерт на телефоне. Алерта не было. Значит, никто не входил. Твой «баг» — это просто ошибка памяти буфера обмена.

— Просто дай мне доступ к архиву за ночь.

— У тебя есть доступ. Администратор системы — я, но у тебя есть права просмотрщика. Заходи, смотри. Только не трать время на поиск того, чего нет.

Я села за рабочий стол в углу гостиной, открыла ноутбук и вошла в интерфейс управления умным домом. Пальцы летели по клавиатуре быстрее, чем мысли. Раздел «Видеонаблюдение». Папка «Гостиная/Спальня». Дата: сегодня. Время: 03:15–03:20.

Файлов не было.

Не было ни одного видеопотока за этот промежуток времени. Ни одного кадра. Система показывала статус: «Запись удалена пользователем admin».

Admin. Это был аккаунт Виктора.

У меня перехватило горло. Он сделал это. Пока я спала? Или сразу после того, как я показала ему диктофон? Он стер доказательство присутствия другого человека в нашем доме, оставив меня одну наедине с моими воспоминаниями, которые он уже назвал «паранойей».

Это не баг. Это цензура.

Я закрыла крышку ноутбука с глухим стуком. Виктор посмотрел на меня поверх края кружки.

— Нашла что-то интересное? — спросил он с ноткой превосходства.

— Нет, — солгала я. — Пусто. Как ты и говорил.

— Видишь? Я же говорил. Не стоит накручивать себя. Ешь завтрак, нам пора в офис. Сегодня важный созвон с партнерами, я хочу, чтобы ты была в форме.

Он встал, подошел к холодильнику, достал молоко, налил себе полный стакан и выпил одним глотком. Его движения были уверенными, грациозными. Он чувствовал себя хозяином положения. Хозяином дома. Хозяином реальности.

Я смотрела, как он ставит стакан обратно, и ненавидела его за это спокойствие. За то, что он мог смотреть мне в глаза, зная, что уничтожил улику, и делать вид, что ничего не произошло. Газлайтинг в чистом виде. Он не спорил с фактами, он разрушал мою способность верить своим фактам.

— Марина, ты бледная, — заметил он, проходя мимо меня к выходу. — Выпей вальерянку. Она в аптечке в ванной. Тебе нужно расслабиться. Ты слишком напряжена.

Эти слова осели в животе тяжестью. Расслабься. Ты напряжена. Классика жанра. Обесценивание моих чувств под маской заботы.

Когда дверь за ним закрылась, в квартире повисла звенящая тишина. Я осталась одна среди стен, которые могли говорить, но предпочитали молчать по команде хозяина.

Глава 2

Я встала и пошла в ванную. Мне нужно было умыться, привести себя в порядок перед работой, которая казалась сейчас абсурдной фикцией. Холодная вода обожгла кожу лица. Я посмотрела в зеркало. Под глазами синяки, губы сжаты в тонкую линию.

На полочке у раковины, среди моих дорогих органических кремов и шампуней, стоял маленький тюбик крема для рук. Розовый, пластиковый, с наклейкой, на которой написано название бренда, который я презирала за химический состав и агрессивный запах.

Я никогда не покупала такой крем. И Виктор знал об этом.

Сердце заколотилось. Я взяла тюбик в руки. Он был тёплым от батареи под полочкой. По температуре ничего не определишь. Я провела пальцем по крышке: чистая, без засохшего крема. Возможно, это была приманка. Или оплошность.

Открыв крышку, я понюхала содержимое. Резкий, приторный запах искусственного жасмина, смешанный с дешевыми духами. Запах, который не принадлежал этому дому. Запах, который не принадлежал мне.

Лера.

Она была здесь. Не виртуально, не в коде, а физически. Я представила, как она намазывает руки после душа — здесь, у моей раковины. Меня передёрнуло. Крем ещё ничего не доказывал, но чужое имя на ленте было. Виктор мог принести её вещи сюда, когда думал, что я не замечу. Или, что более вероятно, он планировал использовать это пространство для встреч, но система безопасности, настроенная на нас, мешала ему. Мог ли он сам добавить триггеры для Леры, а потом стереть её визиты из журнала? Мог. Это я знала по устройству системы. Остальное ещё предстояло проверить.

И вдруг вспомнились его разговоры о личном бренде: «Историю продают, Марин. Не железо». Если история уже готова, какой персонаж в ней я? PR-кампания его стартапа могла использовать образ «гения-одиночки», который жертвует личной жизнью ради великого дела, или наоборот, харизматичного лидера, у которого всё под контролем. А мне могла достаться роль «трудной жены», которая не понимает масштаба личности мужа и нужна для контраста. Чтобы друзья видели его бедным терпеливым святым, а меня — истеричкой.

Но главное даже не в этом. Главное в том, что он превратил нашу жизнь в цифровую клетку, где стены слышат всё, но молчат по команде хозяина. Где доказательства исчезают по клику мыши. Где реальность определяется не тем, что было, а тем, что он решил оставить в логах.

Я поставила тюбик обратно. Аккуратно. Так, чтобы не сдвинуть его с места. Пусть лежит. Пусть пахнет жасмином.

Я ещё раз проверила, плотно ли закрыта крышка тюбика, и посмотрела на своё отражение. В глазах не было слёз. Только холодный расчет архитектора, который обнаружил трещину в фундаменте и решил не ремонтировать её, а снести здание до основания.

На следующее утро запах кофе, свежесмолотого и горького, должен был быть символом утра, но сегодня он пах отравой. Я сидела напротив Виктора, глядя, как его пальцы — те самые, которые еще вчера гладили мои волосы с такой нежной небрежностью, — скользят по тачпаду ноутбука. Экран светился холодным голубым светом, отражаясь в его глазах. Там не было тепла. Только код.

— Открой панель администратора, — сказала я. Голос дрогнул, и я ненавидела себя за это. Нужно было звучать как IT-архитектор, а не как жена, которую выносят из собственного дома.

Виктор даже не поднял головы. Он сделал глоток эспresso, прищурился на график трафика данных и усмехнулся. Тихо, почти ласково.

— Марин, ты чего? Детский сад? Там же бэкап шифруется отдельным ключом. Ты его не знаешь. И знать не можешь, потому что путаешь свои рабочие пароли с домашними. Это не баг, любимая. Это старость. Или усталость.

Меня передернуло. Старость? Мне тридцать четыре. Я проектирую системы, которые держат банки на плаву, а этот стартапер со своим «Умным домом» называет меня дряхлой бабушкой.

Я протянула руку к клавиатуре. Пальцы сами нашли знакомые сочетания. Пароль от нашего общего аккаунта, который мы создавали вместе, смеясь над ошибками автозамены. Enter.

Экран мигнул красным. «Неверные учетные данные».

Виктор наконец посмотрел на меня. В его взгляде не было злости. Было тошнотворное превосходство человека, наблюдающего за муравьем, который пытается разбить бетонную стену головой.

— Видишь? Даже свои пароли забыла. А ночью тебе мерещились голоса.

Блок. Слово всплыло в сознании, холодное и твердое. Он заблокировал мне доступ не потому, что я ошиблась. Он изолировал меня. Вырезал кусок реальности, где я могла бы видеть правду.

Я встала. Стул скрипнул по ламинату, и этот звук показался мне оглушительным.

— Логи роутера, — бросила я, направляясь к кладовой. Там стояла серверная стойка, скрытая за фальшивыми книгами. Мой шанс выяснить, откуда взялось приветствие, уже записанное на диктофон: «Добро пожаловать домой, Лера».

Виктор не сказал ни слова. Просто встал и перегородил путь. Его плечи, широкие и ослабленные, казались стеной. Он смотрел вниз, на меня, и улыбался так, будто видел не жену, а капризного ребенка, которого нужно успокоить.

— Там пыль и провода, Марин. Не ходи туда. Гости вечером будут. Мне неприятно смотреть, как ты истеришь перед моими инвесторами.

Я попыталась проскользнуть мимо него, толкнув плечом. Резко. Жестко.

Его рука метнулась быстрее, чем я успела моргнуть. Пальцы сомкнулись на моем запястье. Не больно, но неотвратимо. Как капкан. Я дернулась, пытаюсь вырваться, но он лишь чуть сильнее сжал хватку, лишая меня возможности двигаться. Кожа под его ногтями горела, предчувствуя синяк.

— Пусти, — прошипела я.

— Успокойся, — мягко произнес он. Его голос был ниже обычного, вибрирующий бас, который обычно сводил меня с ума желанием, а теперь вызывал желание кричать. — Ты сама себя пугаешь.

Он развернул меня лицом к себе, не отпуская запястья. Я чувствовала пульсацию крови в висках. Впервые за много лет я поняла, что физически не могу уйти из этого коридора. Дом перестал быть убежищем. Стал клеткой.

Когда он отпустил мою руку, на коже уже расцветало фиолетовое пятно. Синяк от контроля территории.

— Если ты не откроешь логи, я вызову независимого аудитора, — заявила я, стараясь говорить ровно. — Провайдера. Любого, кто сможет восстановить удаленные файлы.

Виктор рассмеялся. Коротко, сухо. Он подошел к кухонной столешнице, взял яблоко и начал медленно чистить его ножом для овощей. Лезвие сверкало в утреннем свете.

— Система работает по принципу zero-knowledge, Марина. Нулевого знания для внешних лиц. Без моего криптографического ключа эти файлы бесполезны. Никто не сможет их прочитать. Ни твой провайдер, ни полиция, ни даже ты сама со всеми своими дипломами.

Лезвие ножа остановилось. Виктор повернул голову, и в его глазах мелькнуло что-то хищное.

— Я создал эту экосистему для нас. Для безопасности. Где только один бог — тот, кто пишет код. Остальные — пользователи с ограниченными правами. Запомни это.

Меня затошнило. Моя профессиональная гордость, моя вера в технологии, в прозрачность данных — всё рушилось. Я была беспомощна против архитектуры контроля, которую муж построил специально для меня. Дилетант в собственном доме.

Глава 3

Гости пришли ровно в восемь. Пара коллег Виктора, Серый и Таня, привезли бутылку дорогого вина и улыбки, от которых становилось тошно.

Я стояла у окна, наблюдая, как они снимают обувь в холле. Внутри все кипело. Я должна рассказать им. Должна объяснить, что ночной голос был реальным, что камера в гостиной исчезла из облака после обновления ПО, что Виктор блокирует мой доступ. Они знают Виктора. Они должны услышать меня.

— Виктор, — начала я, когда они прошли в гостиную. — Нам нужно поговорить о том, что случилось ночью...

Серый перебил меня смехом, хлопнув друга по плечу.

— Марин, да ладно! Витёк рассказывал, ты опять не спала? Сказал, что ты параноидишь из-за каких-то глюков в системе. Свет моргал, робот-пылесос съехал с ума? Классика жанра для новичков в умном доме!

Таня, женщина с идеальной укладкой и глазами, полными жалости, подошла ко мне ближе. Она понизила голос, но в тишине гостиной это прозвучало как гром среди ясного неба.

— Марин, ты выглядишь уставшей. Может, тебе действительно стоит отдохнуть? Мы можем остаться, если хочешь. Виктор говорит, что ты часто видишь то, чего нет. Из-за стресса. На работе ведь тяжело, да?

Я открыла рот, чтобы возразить, чтобы сказать, что они врут, что вместе они придумали этот сценарий сумасшествия. Но слов не нашлось. Земля ушла из-под ног.

Виктор включил музыку. Громкий джаз заполнил комнату, и свет потолочных ламп начал менять цвет с теплого желтого на тревожный красный, потом на спокойный синий. Синхронизированный танец технологий.

— Вот, смотрите, какая новая функция! — воскликнул Виктор, обнимая Таню за плечи. — Атмосфера праздника подстраивается под настроение гостей. Правда, круто?

Серый присвистнул.

— Гений! Витёк, ты гений!

Я стояла посреди комнаты, как статуя. Социальная изоляция завершена. Для них я была странной женой, которая путает тени с людьми. А он — харизматичный создатель будущего. Их реальность стала моей тюрьмой.

Провожая гостей, Виктор обнял меня за талию — широко, напоказ, так, чтобы Таня увидела «идеальную пару». Я позволила себе высвободиться, только когда за ними захлопнулась входная дверь.

После ухода гостей дом снова погрузился в тишину, но теперь эта тишина звенела в ушах.

Я вошла в ванную. Холодный кафель обжигал босые ноги. Зажгла свет. Яркий, стерильный белый свет, от которого болели глаза.

Нужны были аналоговые улики. Цифровые можно стереть одним нажатием кнопки. Но запах? Волосы? Следы крема?

Я шарилась по полкам, доставая баночки, тюбики, флаконы. Руки дрожали. Я искала хоть что-то чужое. Хоть одну ниточку, которая свяжет этот дом с той женщиной, имя которой произнес голосовой ассистент.

Дверь ванной бесшумно открылась.

Виктор стоял на пороге, прислонившись к косяку. Он наблюдал за мной с тем же холодным любопытством, с которым энтомолог смотрит на жука в банке.

— Что ты делаешь, Марин? — спросил он тихо.

— Ищу... — я запнулась, чувствуя себя пойманной на месте преступления. — Ищу свой шампунь. Он кончился.

Виктор шагнул внутрь. Его тень легла на меня. Он подошел к нижней полке, где лежали запасные средства гигиены, и вынул оттуда маленькую стеклянную баночку. Белая крышка. Этикетка с лавандой.

Он открыл крышку. Резкий запах ударил в нос. Лаванда. Я не покупала эту баночку — ни неделю назад, ни раньше. Отдушка напоминала гостиничные наборы косметики, которые Виктор привозил из командировок.

— Это твой крем, — сказал Виктор, держа баночку на ладони, как доказательство в суде. — Купила на прошлой неделе. Сама забыла, где положила. Ты всегда теряешь вещи, когда нервничаешь.

Я схватилась за раковину, чтобы не упасть. Это был её крем. Или его ложь. Разница была минимальна.

— Ты одержима, Марина, — продолжил он, и в его голосе появилась сталь. — Ты ищешь доказательства измены там, где есть только твоя фантазия. Посмотри на себя. Ты рыскаешь по чужим шкафам, обвиняешь мужа в том, чего он не делал. Тебе нужна помощь. Настоящая. Не та, что ты ищешь в этих дешевых трюках.

Он выбросил баночку в мусорное ведро. Стук стекла о дно прозвучал как выстрел.

— Газлайтинг, — прошептала я, хотя слово застряло в горле комком грязи.

— Что?

— Ничего.

Он вышел, оставив меня одну с запахом лаванды, который теперь преследовал меня, как призрак.

Я ещё долго стояла под горячей водой, смывая с себя запах лаванды, пока кожа не натёрлась до покраснения. В спальне Виктор уже лежал с планшетом, заняв привычные две трети кровати, и даже не поднял глаз, когда я проходила мимо к своей подушке.

Ночь пришла тяжело, как свинцовая плита. Я лежала в постели, слушая ровное дыхание Виктора рядом. Потом задремала, всё ещё злясь на то, как легко он засыпает.

Щелчок замка входной двери раздался в два часа ночи. Тихий, почти неслышимый, но для моих натянутых нервов он прогремел как гром.

Я села в кровати, не включая свет. В комнате было темно, только индикатор зарядки слабо светился на тумбочке. Место Виктора рядом было пустым.

Шаги. Мягкие, уверенные шаги по ламинату в коридоре. Виктор не спал. Он разговаривал.

Я встала, босиком, и крадучись вышла из спальни. Коридор был погружен в полутьму. Я увидела его силуэт у стены, спиной ко мне. Он говорил по телефону, прижав аппарат к уху. Голос был тихим, но отчетливым.

— ...Она уже почти сломалась. Да, давление работает. Ещё пара дней, и она подпишет всё, что мы скажем. Развод будет быстрым. Активы перейдут на компанию. Нет, она ничего не поймет. Она думает, что сходит с ума. Идеальный сценарий.

Кровь отлила от лица. Я застыла в тени дверного проема, боясь дышать. Воздух в легких превратился в камень.

«Мы». Не «я». «Мы».

Это не ревность. Это не любовница. Это партнер. Сообщник. Измена перестала быть личной драмой. Она стала бизнес-планом. Прагматичным, циничным, бездушным процессом ликвидации актива под названием «Марина».

Виктор закончил разговор и обернулся. Его глаза блеснули в темноте. Он заметил меня сразу. Не испугался. Не смутился.

Он улыбнулся. Той самой улыбкой, от которой у меня раньше таяло сердце.

— Иди спать, любимая, — сказал он ласково, подходя ближе. Его рука легла на мою талию, тяжело, по-хозяйски. — Тебе снятся кошмары, потому что ты слишком много думаешь. Голова перегревается.

Он повел меня обратно в спальню, как ведут собаку, которая лает на пустоту. Я шла механически, чувствуя, как внутри что-то окончательно умерло. То, что осталось от доверия.

В спальне я легла на самый край кровати, на расстоянии вытянутой руки от его спины. Виктор проворочался пару раз, бормоча что-то про дедлайн, и тут же провалился в глубокий, безмятежный сон. Я лежала неподвижно, считая его вдохи и прокручивая услышанное по кругу, пока за окном не начало светлеть.

Утро встретило меня серостью и холодом. Я не спала всю ночь, глядя в потолок. Каждую секунду я слышала его слова: «Подпишет всё, что мы скажем».

Виктор ушел на работу рано, оставив завтрак на столе. Бекон, яйца, сок. Идеальная картинка нормального брака.

Я сидела на кухне, глядя на его рабочий ноутбук, который он забыл взять с собой. Редкость. Обычно он носит его как оружие. Сегодня он лежал на столешнице, открытый, с активной сессией.

Сердце заколотилось быстрее. Шанс. Один-единственный шанс.

Я подошла к ноутбуку. Курсор завис над браузером. История поиска была очищена. Чисто. Слишком чисто. Но в соседней вкладке оставалась открытая панель управления домом. Я нажала на журнал событий, надеясь, что эта сессия ещё действует.

Экран замерцал. Вместо журнала событий появилось сообщение, крупным черным шрифтом на белом фоне:

ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН. СЕССИЯ ЗАВЕРШЕНА АДМИНИСТРАТОРОМ.

В дверь позвонили.

Я вздрогнула, захлопнула крышку ноутбука и пошла открывать. Курьер в жилете с логотипом курьерской службы протянул мне небольшую коробку.

— Для господина Виктора. Срочная доставка. Подпишите здесь.

Я подписала, закрыла дверь и поставила коробку на стол. Руки тряслись. Я вскрыла ее.

Внутри, в антистатической пленке, лежал новый центральный процессор. Самый мощный. Последний образец. Тот, который удваивает скорость обработки данных и шифрования.

Сверху лежала записка, написанная его аккуратным почерком:

«Чтобы такие ошибки больше не повторялись. Обновление системы сегодня вечером.»

Я смотрела на блестящий металл и понимала суть происходящего. Виктор не просто удалял доказательства постфактум. Он готовил инфраструктуру для полного перезапуска реальности. Он обновлял операционную систему нашего брака, стирая старые версии файлов навсегда. Мои воспоминания. Мои улики. Мою личность.

Это не хаос. Это стерилизация. Чистая, хирургическая, безболезненная для него и смертельная для меня.

Пока он играл в бога кода, управляя каждой частицей информации в этом доме, я должна стать другой. Не пользователем. Не жертвой.

Призраком.

Я встала и пошла к антресолям в гардеробной. Там, в пыльной картонной коробке, заваленной старыми журналами и ненужными вещами, лежал предмет, который Виктор никогда не трогал. Потому что он не считал его ценным. Потому что он не мог его взломать.

Старый пленочный фотоаппарат. «Зенит». Черный корпус, тяжелый объектив, механическая затворная шторка.

Нет Wi-Fi. Нет Bluetooth. Нет облачного хранилища. Нет бэкапа.

Только свет. Только стекло. Только правда, зафиксированная на серебре.

Я достала камеру, смахнула пыль с объектива и посмотрела на нее сквозь видоискатель. Мир в видоискателе стал резким и понятным. Ни меню, ни запроса пароля — только комната передо мной.

Пока Виктор строил цифровую крепость, я начинала войну в аналоговом мире.

Глава 4

Виктор заблокировал локальные хабы умного дома ещё вчера, сославшись на «технические работы по безопасности». Я сидела в темноте кабинета, чувствуя, как от бессонницы свинцом наливаются веки. Прямой вход был невозможен: брандмауэр держался крепко, а я не могла позволить себе скандал с требованием паролей. Но память — мой единственный союзник. Я вспомнила старый тестовый порт на роутере, который Виктор забыл закрыть после бета-версии прошивки. Это была дыра размером с человеческую жизнь, и я собиралась нырнуть в неё.

Пальцы дрожали, когда я подключала кабель. Экран монитора мигнул; поверх рабочего стола появилось предупреждение об авторизации. Голосовой ассистент в гостиной вдруг ожил, его синтезированный голос начал монотонно, давяще повторять: «Ошибка авторизации. Ошибка авторизации». Звук давил на виски, превращаясь в белый шум паники. Система сопротивлялась вторжению, пытаясь заглушить мои действия акустическим давлением. Я не стала ждать, пока этот голос окончательно собьёт меня с мысли. Просто выдернула шнур питания из колонки. Тишина ударила по ушам звенящей пустотой, но теперь я могла сосредоточиться.

Логи были чистыми. Слишком чистыми, стерильными, как операционная перед вскрытием трупа. Казалось, Виктор прав: это глюк, случайный сбой. Отчаяние подступило к горлу, но я заставила себя смотреть глубже. В метаданных времени мелькнула аномалия: в локальном журнале запросы были связаны с MAC-адресом устройства, числящегося как «Камера_Кухня». Сердце пропустило удар. Эта камера была демонтирована три месяца назад, когда мы делали ремонт. Устройство физически отсутствовало в доме, но логически оно было живо. Оно смотрело на меня прямо сейчас.

Щелчок замка в прихожей заставил кровь прилить к лицу. Виктор вернулся раньше обычного. Его шаги гулко отдавались в коридоре, приближаясь к кабинету. Угроза разоблачения нависла над головой каменным сводом. Если он увидит терминал, он скажет, что я взламываю собственный дом. Параноичка. Ненадежный партнер. Я мгновенно переключила окно на открытую статью по архитектуре микросервисов, делая вид, что работаю над своим проектом. Дверь распахнулась. Виктор вошел, кладя руку мне на плечо. Этот жест собственности, обычно согревающий, теперь вызвал тошноту. Он пах дорогим парфюмом и чужой жизнью.

— Почему ты ещё не спишь, Марина? — спросил он, наклоняясь к экрану.

Его взгляд скользил по коду. Я чувствовала, как сердце колотится в висках, слышала этот стук, как барабанную дробь. Он искал подвох, принохиваясь к воздуху, будто хищник. Секунды тянулись вечностью. Я держала лицо, пряча ужас за маской профессиональной скуки. Виктор усмехнулся, выпрямился и сказал, что я слишком много сижу за компьютером, предложив выпить вина и «расслабиться». Он повернулся и ушел на кухню, оставив дверь кабинета приоткрытой. Это были секунды жизни. Я схватила флешку, спрятанную в книге на полке, и быстро скопировала локальный журнал запросов от имени «мертвой» камеры. Руки потели, пластик носителя казался горячим.

С кухни донеслись звуки. Виктор говорил по телефону. Голос глухой, но интонация мягкая, заботливая — такую он никогда не использовал со мной последние полгода. Слышался женский смех, тихий, интимный. Я вышла в коридор, чтобы услышать лучше, но моя нога наступила на скрипучий ламинат. Разговор оборвался мгновенно. Виктор обернулся. В его глазах не было вины, только раздражение и презрение.

— Ты опять следишь? Тебе нужен психолог, Марина. Или таблетка, — бросил он холодно.

Я хотела крикнуть, сказать, что слышала женский голос, что знаю о Лере. Но слова застряли в комке в горле. Мой взгляд упал на стол Виктора в кухне. Там лежал телефон с активным экраном. На нем была открыта заметка с текстом: «Сценарий для PR-кампании "Умный дом": элемент драмы и доверия». Мир качнулся. Измена обернулась контентом. Мои нервы, моя паранойя, их тайные встречи — всё это часть маркетинговой стратегии. Камера, которой нет, имитирует присутствие любовницы в системе, создавая иллюзию жизни в стиле high-tech для инвесторов. Предательство имеет коммерческую ценность. Я была не женой, я была продуктом.

В кармане пижамы лежала флешка с журналом запросов. Пока она доказывала только странную активность отсутствующего устройства. Но заметка на его экране превращала технический сбой в подозрение на мошенничество. Если я покажу это сейчас, Виктор уничтожит всё и выставит меня сумасшедшей окончательно. Мне нужен кто-то, кто умеет читать эти логи официально. Кто-то, кто не боится его денег. Я вернулась в кабинет, закрыла дверь и открыла браузер в режиме инкогнито. Пальцы больше не дрожали. Холодная ярость заменила страх. Я ввела в поиск: «следователь по киберпреступлениям Москва отзывы».

Белые лилии пахнут смертью. Не той, что приходит с возрастом или болезнью, а той, что подкрадывается тихо, в белоснежном кружевном белье и с дорогим парфюмом на запястьях.

Когда Виктор вошел в квартиру, я стояла у окна гостиной, наблюдая за тем, как дождь размывает огни Москвы в мутные разводы. Дверной замок щелкнул — звук, который раньше означал возвращение домой, теперь звучал как приговор. Он не просто открыл дверь; он вторгся в мое пространство с триумфом победителя.

В руках он держал букет. Огромный, пышный, белый до боли в глазах. Лилии. Мои любимые тюльпаны он забыл ещё лет пять назад, когда мы только начинали строить этот дом, эту жизнь, эту цифровую крепость. Теперь он нёс лилии мне, как трофей.

— Марина! — его голос был бархатным, насыщенным фальшивой теплотой. — Посмотри, какая красота.

Я повернулась. Улыбка Виктора была широкой, обнажающей зубы, но глаза оставались холодными, расчетливыми. В них читалось нетерпеливое ожидание реакции. Он хотел видеть радость? Страх? Или подтверждение того, что я снова проглочу ложь, потому что мне больше некуда деться?

Запах ударил меня в нос первым. Тяжелый, сладковатый аромат «Black Opium» от Ив Сен-Лоран. Тот самый, которым пользовалась Лера. После той ночи я нашла её страницу среди амбассадоров проекта. На фотографиях из соцсетей стоял знакомый флакон; этот аромат я тестировала в магазине и запомнила. Смешанный с ароматом свежесрезанных цветов, этот запах становился тошнотворным коктейлем измены и власти. Меня замутило. Желудок свело спазмом, горло перехватило, но я стиснула челюсти так сильно, что заныли скулы. Я не дам ему ни одного миллиметра моей слабости. Если сейчас я покажу отвращение, он скажет, что я истеричка. Что я видела призраки там, где был просто баг.

Он взял вазу с полки, налил воды и поставил букет в центр стола. Вода выплеснулась на полированную поверхность дерева, и он даже не заметил этого. Для него важна была не ваза, а жест. Демонстрация контроля.

— Это было случайно, — сказал он, отряхивая руки о брюки. Он посмотрел на меня прямо, ожидая благодарности. Его взгляд скользнул по моему лицу, оценивая мою реакцию. — Проходил мимо цветочного на Патриарших. Увидел эти цветы и подумал о тебе. Знаешь, они символизируют чистоту. Нашего дома.

Я пыталась сопоставить его слова со временем. Цветочный магазин на Патриарших закрылся в двадцать минут восьмого. Сейчас было восемь тридцать: купить букет он вполне успевал. Вот только где он провёл остаток вечера? Но Виктор не использовал сервисы доставки

для таких вещей. Он любил делать это сам. Любил создавать иллюзию романтики своими руками.

Мои пальцы, сжимавшие край скатерти, побелели. Я чувствовала, как дрожь проходит через всё тело, но заставила себя расслабить плечи. Нужно было сказать что-то нейтральное. Стереть это напряжение.

— Спасибо, Витя, — произнесла я ровно, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Очень красиво.

Он удовлетворенно хмыкнул, снимая пиджак. Ткань шуршала, тяжелая, дорогая шерсть. Он бросил пиджак на спинку стула напротив меня. Из внутреннего кармана торчал уголок бумаги. Белый прямоугольник с черными строчками. Чек.

Мое сердце пропустило удар. Элитный ресторан «White Rabbit». Мы никогда не бывали там вместе. Цена ужина там составляла мою первую месячную зарплату, ещё когда я была программистом начального уровня. А для стартапера среднего звена — это была сумма, которую можно потратить на «случайную встречу с коллегой».

Он сидел спиной ко мне, развязывая галстук, совершенно уверенный в своей неуязвимости. Он думал, что я та же самая Марина, которая верила каждому его слову, которая боялась конфликтов, которая предпочитала тишину правде. Он ошибался.

Я не взяла чек. Не сейчас. Если я схвачу его, он обвинит меня в шпионаже, в том, что я роюсь в его вещах. Он развернет это против меня: «Ты ревнуешь без оснований, ты нарушаешь мои границы». Нет. Эта улика должна быть получена иначе. Должна стать частью чего-то большего, чем просто бытовая ссора.

Глава 5

— Как прошёл день с инвесторами? — спросила я, подходя к разделочной доске. Мне нужно было чем-то занять руки, чтобы не начать кричать. Нож лег на хлеб, холодная сталь коснулась корки.

Виктор повернулся, опираясь бедром о край стола. Его поза была расслабленной, хищной.

— Отлично. С шести до восьми сидели без перерыва. Они впечатлены архитектурой системы безопасности. Особенно новой функцией предиктивного анализа поведения пользователей. Мы собираемся продавать данные... метафорически говоря, конечно. Понимаешь, Марин, бизнес требует жертв. Иногда нужно показать слабость системы, чтобы доказать силу решения.

Он говорил со мной как с ребенком. Как с женщиной, которая варит суп и гладит рубашки, а не как с IT-архитектором, который написал половину кода ядра этой самой системы безопасности. Я знала эти термины лучше него. Я знала, что такое предиктивный анализ, и я знала, что в нашем доме он используется не для продажи данных, а для слежки.

— Ты имеешь в виду логи доступа к камерам гостиной? — спросила я, не поднимая глаз от хлеба. Резкий, сухой вопрос.

Нож замер в воздухе. Тишина стала вязкой, тяжелой. Виктор моргнул. На секунду маска уверенности сползла, оголив растерянность. Он не ожидал, что я буду знать название модуля. Он привык к тому, что я слушаю его монологи, киваю и забываю.

— Ты... откуда ты знаешь об этом? — его голос стал ниже, тверже.

— Я работаю с этим каждый день, Виктор. Даже если ты пытаешься убедить всех, что я просто домохозяйка.

Это было слабое сопротивление, но оно сработало. Он потерял ритм повествования. Ему пришлось перестраиваться.

— Домохозяйка? — он усмехнулся, но улыбка вышла кривой. — Ты всегда была умной, Марина. Слишком умной для своего спокойствия.

Он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию. Запах лилий и чужих духов усилился.

— Кстати, о камерах. Система показала тревогу три часа назад. Кто-то попытался получить доступ к архиву записи за прошлую неделю. Лог указывает на твой рабочий планшет.

Кровь отхлынула от лица. Три часа назад я была в душе. Мой планшет лежал на тумбочке в спальне, заблокированный биометрией. Он знал это. Он проверял физическое присутствие устройства. Но он говорил это так, будто обвинял меня в взломе собственной квартиры.

— Это ложь, — сказала я. Голос сорвался, стал тонким, высоким. Я ненавидела себя за это. — Я не трогала архивы.

— Тогда кто? — он навис надо мной, его тень упала на кухонный стол. — Хакеры? Призраки? Может, это твои новые друзья из техфорума? Те, кто учит тебя "как защититься от мужа"?

Газлайтинг переходил в стадию активной агрессии. Он не просто сомневался в моих словах, он создавал альтернативную реальность, где я была виновата по умолчанию. В моей голове щелкнуло что-то важное. Он следил за мной. Прямо сейчас. Пока мы ели ужин, он мог читать мои действия, мой пульс (через умные часы), мои движения. Дом стал прозрачным для него и непроходимым для меня.

— Мне нужно, чтобы ты верила мне, Марина, — вдруг сменил он тон. Резко, почти театрально.

Он подошел ближе, положил руки мне на лицо. Его пальцы были теплыми, влажными. Жест казался нежным, интимным, но хватка была сильной, почти болезненной. Он держал

меня, как птицу в клетке. Я не могла отстраниться, не показав грубости, не дав повод для скандала.

— Без этого мы разрушим друг друга, — прошептал он, глядя мне в глаза. В его зрачках отражался свет люстры, но в глубине глаз было пусто. Там не было любви. Там был расчет.

Его большой палец медленно скользнул по моей щеке, стирая крошку от хлеба. Контакт кожи с кожей вызвал у меня озноб. Я почувствовала запах его духов — мускус и сандал, смешанный с лилиями и чужой женской косметикой. Этот запах въедался в мою кожу, в мои волосы, в память. Он маркировал меня. Делал метку владельца.

Я дернулась, отстраняясь. Его рука упала.

— Ты давишь, — сказала я сухо.

— Я защищаю наш дом, — ответил он, отходя назад. Его лицо снова стало маской вежливости. — Просто помни об этом.

Он вернулся к столу, взял бокал вина, допил его одним глотком и оставил тарелку с недоеденной курицей грязной, жирной, посреди стола. Не убирал. Не предлагал помощи. Для него я была прислугой, которая должна убрать беспорядок после его спектакля.

— Я в кабинет, — бросил он, направляясь к двери. — Есть срочный звонок от партнера.

Дверь кабинета хлопнула. Щелчок замка был слышен даже сквозь шум вентиляции. Мне показалось, что он заперся внутри. За дверью, которая отделяла его мир от моего.

Я осталась одна. Тишина кухни стала оглушающей. Только капало из крана, да лилии в вазе издавали тихий шорох лепестков, которые уже начали вянуть. Тяжелый, удушающий аромат заполнял комнату, проникая в легкие, в кровь, в мозг.

Я подошла к вазе. Смотрела на белые цветы, которые казались теперь не украшением, а похоронным венком. И тогда я увидела это. На дне стеклянной чаши, среди воды, плавал маленький пластиковый ярлык от цветочного магазина. Прозрачный, с датой и временем печати. 18:30. Дата покупки. Время, когда Виктор утверждал, что был на деловой встрече.

Физическая улика. Аналоговая. Та, которую нельзя удалить кнопкой «Очистить историю». Та, которая не подвержена обновлению ПО.

Руки затряслись. Я схватилась за край стола, чтобы не упасть. Нужно было сфотографировать. Нужно было сохранить доказательство немедленно.

Я потянулась за телефоном, лежащим на столешнице рядом с ножом. Экран засветился, показывая время: 20:45. Я навела камеру на вазу.

И тут камеру перекрыло уведомление: «Устройство заблокировано администратором». Экран почернел; внизу осталась только кнопка экстренного вызова.

Я нажала кнопку питания. Та же надпись. Батарея была заряжена на 80%. Виктор настоял на установке корпоративного профиля ещё во время нашей совместной работы. Я считала, что он управляет обновлениями. Сейчас он управлял моим телефоном.

Вдруг свет над столом мигнул и погас. Кухня погрузилась в темноту. Абсолютную, непроницаемую темноту элитного ЖК, где нет окон на кухне, только глухие стены и матовое стекло перегородок.

Звуки города исчезли. Шум кондиционера прекратился. Холодильник замолчал.

Система умного дома отключила освещение зоны. Я снова зажала кнопку питания, считая секунды. После перезапуска телефон потребовал корпоративный код разблокировки. Камера и контакты оставались недоступны; экстренный вызов — нет. Один выход он всё-таки не закрыл.

Я стояла в полной темноте, вдыхая запах умирающих лилий. Мозг отказывался верить в то, что происходило. Это не случайность. Это демонстрация силы. Виктор показал мне, что он может оставить меня в темноте, в холоде, отрезанной от мира одним щелчком. Дом стал тюрьмой. А ключи были у тюремщика, который сейчас сидел в соседней комнате.

Я не могла включить свет. Я не могла позвонить знакомым. Могла вызвать помощь по номеру 112, но ещё боялась, что приедут и увидят всего лишь погасшую лампу и спокойного мужа. Я не могла выйти, потому что входная дверь тоже была умной, и я не знала, разблокирован ли электронный замок без внешнего управления сервером.

Тишина стала невыносимой.

Я подошла к кабинету. Виктор закрыл дверь, но язычок замка не попал в паз: у самого косяка оставалась щель. Оттуда донеслась вибрация телефона. Не моего. Его личного смартфона, который он забыл выключить или оставил на столе в кабинете. Звук был приглушенным, но отчетливым.

Вжжж. Вжжж.

Женский голос из включённого динамика проскользнул через щель у косяка, едва различимый. Я прижалась ближе. Лера — её имя Виктор произнёс вместо приветствия.

— Ужин удался? — спросила она тихо. Ее голос был мягким, игривым, полным того самого превосходства, которое она демонстрировала на фотографиях.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони до крови. Боль была единственным, что доказывало, что я здесь. Что я жива.

Виктор рассмеялся. Тихо, коротко.

— Она съела все. Как хорошая девочка.

Лера хихикнула.

— Красиво. Завтра будет еще лучше. Я жду видео с камеры спальни. Хочу посмотреть, как она плачет от бессонницы.

Я закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Слезы жгли глаза, но я не позволяла им упасть. Не сейчас. Не при них.

Я была пленницей собственного дома. Пока мой муж праздновал победу над мной, используя технологии против меня же. Но они допустили ошибку. Они забыли, что я знаю код. Что я знаю архитектуру. И что в темноте, без света, без связи, человек становится зверем. А звери не сдают свои позиции. Они ждут удобного момента для прыжка.

Я осторожно достала ярлык из вазы и зажала в ладони. В темноте он не видел моих рук. Завтра я вынесу эту маленькую полоску пластика из дома.

Глава 6

Телефон заработал наутро после ужина с лилиями. Виктор показал уведомление: «Диагностика завершена» — будто вчера не он отрезал мне камеру и контакты.

Я сидела на полу гостиной, прислонившись спиной к холодному дивану, и смотрела в экран ноутбука так, будто там могло проявиться лицо Бога или черта. Разница была невелика. Оба требовали веры. А я потеряла её неделю назад, когда голосовой ассистент поприветствовал Леру в нашей спальне.

В Сочи мы были вместе. Я помню запах соленого ветра, скрип шезлонга под моим весом, как Виктор целовал мне макушку перед рассветом. Там были фото. Сотни снимков. Доказательство того, что я жила, любила и существовала вне этого стеклянного террариума умного дома.

Пальцы дрожали, когда я открыла облачное хранилище. Папка «Отдых в Сочи» висела жирным черным шрифтом, обещая ностальгию. Я кликнула. Экран мигнул, выдал серую сетку миниатюр и надпись: «Файлы повреждены. Синхронизация невозможна».

Сердце пропустило удар, потом заколотилось где-то в горле. Это же абсурд. Облако — это не магнитная лента, оно не может просто взять и испариться за одну ночь без логичного сбоя. Я потянулась за телефоном. Галерея. Пусто. Не было даже превью. Только белый фон и чувство, будто кто-то вырвал из моей памяти кусок реальности.

— Нет, — прошептала я себе. — Нет, нет, нет.

Я бросилась к шкафу с электроникой, где лежал внешний жесткий диск. Резервная копия. Мы делали её полгода назад, после отпуска, по привычке айтишников, которые не доверяют ни одному серверу. Подключила кабель. Ноутбук пискнул, определив устройство. Я распахнула папку.

Размер файлов: 0 байт.

Имена оставшихся файлов превратились в кракозябры — битые символы, похожие на осколки разбитого зеркала. Я запустила утилиту для восстановления данных. Ползунок сканирования секторов пополз медленно, тяжело, как танк по грязи. 1%. 2%. Система зависла. Курсор замер, превратившись в песочные часы, которые отсчитывали время моего спокойствия.

Щелчок замка входной двери прервал тишину.

Виктор вошел раньше обычного. Его силуэт показался в дверном проеме кухни — высокий, уверенный, с сумкой через плечо. Он выглядел так, будто только что вернулся с триумфа, а не с работы.

— Марин? — позвал он. Голос был бархатным, обволакивающим. — Почему темно? И почему ты на полу?

Ассистент в углу гостиной молчал. Обычно он встречал Виктора фразой: «Добро пожаловать домой, Виктор». Сегодня тишина.

Виктор щелкнул пальцами.

— Алиса, включи свет на кухне. Яркость пятьдесят процентов.

Тишина.

Он хмыкнул, подошел ближе, ступая бесшумно, как хищник. Его глаза скользнули по моему лицу, затем по ноутбуку на полу.

— Опять глюк прошивки? — спросил он с той самой улыбкой, от которой меня тошнило. Спокойствие. Ни капли гнева. Только жалость к пациентке. — Я же говорил, нужно обновить ядро системы. Ты слишком много времени проводишь в сети, Марина. Это влияет на твою нервную систему. Буквально.

Я захлопнула крышку ноутбука. Звук удара пластика о пластик прозвучал как выстрел.

— Просто баг, Витя, — сказала я ровно. Губы не слушались, но голос держался. — Синхронизация отвалилась. Телефон тоже завис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.